

А. Б. Пермиловская

**Деревянный православный храм
как воплощение этнокультурного архетипа русской традиционной культуры**

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы № 0410–2014–0027
«Состояние и использование биоресурсов в контексте оптимизации природопользования,
обусловленного историко-культурными и этносоциальными процессами на Европейском Севере и в Арктике

Этнокультурные архетипы представляют собой константы национальной духовности, выражающие и закрепляющие основополагающие свойства этноса как культурной целостности. В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, которые определяют особенности мировоззрения, характера, художественного творчества и исторической судьбы народа. В русской традиционной культуре к таким основополагающим архетипам относятся Дом и Храм. Исследование посвящено деревянному православному храму как воплощению этнокультурного архетипа традиционной культуры русского народа.

Ключевые слова: деревянный храм, православие, этнокультурный архетип.

A. B. Permilovskaya

**The Wooden Orthodox Temple as an Embodiment
of the Ethnocultural Archetype of the Russian Traditional Culture**

Ethnocultural archetypes represent constants of the national spirituality expressing and fixing basic properties as ethnos cultural integrity. In each national culture the ethnocultural archetypes dominate, which define the world Outlook peculiarities, character, art creativity and the historical people's destiny. The House and the Temple are such basic archetypes in the Russian traditional culture. This study focuses on the wood Orthodox Church as the embodiment of the ethnocultural archetype of the Russian traditional culture.

Keywords: a wooden temple, Orthodoxy, an ethnocultural archetype.

На протяжении тысячелетий человек жил в условиях религиозного и мифологического сознания. В философских терминах Нового времени это означало доминирование объективно-идеалистической картины мира, согласно которой духовное начало первично, а материальное – вторично. Материалистическое мировоззрение возникло не случайно – оно необходимо для успешного развития науки и цивилизации. Однако «надо решительно отказаться от рудиментов вульгарного материализма в оценке историко-культурных явлений, в том числе применительно к памятникам архитектуры» [5, с. 14]. Моя задача состояла в том, чтобы историко-архитектурные исследования ввести в круг современных культурологических проблем. В отечественной традиции исследования памятников архитектуры сложилась устойчивая практика: рассматривать их либо с исторической, либо с археологической, либо искусствоведческой точки зрения. Сравнительно недавно памятники архитектуры стали изучаться в новом, интегративном научном горизонте – как произведения культуры, имеющие большое значение для понимания истории куль-

туры в целом. В настоящем исследовании эпиграфом могла бы стать мысль И. Э. Грабаря, что история искусства должна писаться как история культуры [7].

Эмпирической базой исследования послужил материал 34 архитектурно-этнографических экспедиций, в которых были обследованы 368 поселений Русского Севера. Общее количество обследованных памятников и артефактов народной архитектуры, элементов декора, предметов материальной культуры и крестьянского быта – более 10 тыс., в 80 % случаев они выявлены впервые, из них около 200 составляют обмеры. Другая значительная часть материала была собрана в архивах и музеях Архангельской, Вологодской областей, Карелии, Москвы, Санкт-Петербурга, а также рассматриваются материалы, составившие основу личного опыта, приобретенного в результате многолетнего изучения экспозиций музеев под открытым небом и памятников народной архитектуры «in situ» в России и Западной Европе. Результат отражен в 2 монографиях [16, 17].

Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. Храм как обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания занимал центральное место в сакральном пространстве крестьянского мира. Церкви, колокольни, часовни, обетные кресты, ставившиеся в ходе освоения территорий, включались в важнейшие объекты сельского мира – деревни, дороги, угодья, холмы, водоемы. «Сакральными символами различного уровня служили природные элементы ландшафта, такие как горы, деревья, камни. Часто получившие противоречивые значения, в наиболее высоком смысле они символизировали ось мира и самого Христа. Каждому из возвышенных мест в мифопоэтическом и традиционном сознании придавался особый статус. Они выступали медиаторами между земной и небесной сферами» [20, с. 24]. Для человека организованное им жилое пространство – своеобразная модель окружающего мира. Храмы как символы мироздания господствуют в нем, жилище человека составляет второй план, хозяйственные постройки – третий.

Большое влияние на формирование архетипа православных деревянных храмов оказали народное религиозное сознание и миропонимание насельников этих территорий. В этом явлении просматриваются определенные черты системы духовных ценностей общества, особенности мировоззрения создателей этих храмов. «Имя оценивается церковью, а за нею – всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия» [22, с. 38]. В именовании храмов отражалась иерархия православных вероучительных ценностей. На вершине ее – учение о Боге как творце мира, сущем в единстве Святой Троицы. О почитании его свидетельствовала группа храмов с господскими (освященными во имя Господа) храмоименованиями: Рождественские, Воскресенские, Вознесенские, Преображенские и др. Вслед за нею следует группа храмоименований, отражающих почитание предводителей небесных сил бесплотных (архангелов): Михайло-Архангельские, Гаврииловские. Затем следует группа храмов, посвящение которым отражает почитание Богородицы: Богородицерождественские, Введенские, Благовещенские, Успенские. Еще одну группу составили храмоименования, напоминающие о роли ветхозаветных пророков, а также первых учеников и последователей Христа – апостолов: Ильинские, Андреевские, Иоанновские. Наконец, сознанию православного крестьянина было при-

суще почитание святых: мучеников, преподобных, праведников, исповедников, в том числе и местночтимых: Георгия, Николы, Параскевы Пятницы, Зосимы и Савватия, Макария и др. [12, с. 238–239].

В пределах сакрального пространства народное мнение выделяло приходы материнские и дочерние. Первые отличались не только древностью, но нередко и наличием особо почитаемых икон или святынь. Взаимосвязь приходских храмоименований роднила приходы и создавала особый сакральный ландшафт, придающий севернорусскому пространству православную наполненность и духовные ориентиры. Поморское побережье имело множество храмов, возведенных в честь Святого Николая: «*От Холмогор до Колы – тридцать три Николы*».

Этнокультурный архетип православного храмостроительства проявился в исторических преданиях и легендах о выборе места для строительства храма и поселения. Существует корпус исторических преданий и легенд, введенных в научный оборот Н. А. Криничной. Часто этот выбор определялся с помощью гаданий. В ритуале использовались живые священные животные (конь) и предметы (дерево, икона, крест, свеча), имевшие сакральный статус в традиционной крестьянской культуре и обладающие высокой степенью семиотичности. Выбор места для строительства деревни и храма в народных представлениях был идентичен. Он отражал их сакральное значение и божественное указание на место постройки. «*Хотели построить деревню – бросали икону в воду. Три раза бросали – три раза она приплывала на одно и то же место. Куда икону принесло, там и деревню построили. Вирму (речь идет об основании д. Вирма в Карелии) хотели вначале выше построить: вода здесь соленая... А так и поселились здесь. И церковь построили Петру и Павлу...*» [14, с. 39].

Русский Север – край деревянных храмов. Северная модель культуры, реализованная в народной деревянной архитектуре, имеет инновационное научное значение, поскольку эта модель сохранилась и зафиксирована в ее уникальном материальном качестве именно на Русском Севере. В связи с этим народная деревянная архитектура может рассматриваться как культурный код Русского Севера. В научных, научно-популярных и публицистических высказываниях сложилась традиция синонимического употребления понятий «деревянная архитектура» и «народная архитектура»; данная ситуация может быть охарактере-

ризована как имплицитно отражающая культурный смысл регионального наследия в обыденном и научном сознании.

«Многие основополагающие и в силу этого универсальные традиции архитектурного формообразования уходят своими истоками в глубокую древность. Этот известный, но недооцениваемый факт побуждает обращаться к изучению архаических пластов профессионального сознания, в которых улавливаются признаки изначальной органической встроенности архитектуры в общекультурный контекст» [4, с. 53].

На обширной территории древнерусского государства монументальные храмы возводились строительными средневековыми артелями («дружинами»), которые включали мастеров разных специальностей («мастеров всяции») и возглавлялись главным мастером-зодчим – «здателем». Во времена монголо-татарского ига здателям выдавались ханские ярлыки: «*Мастера трогать нельзя – Мастер избранное лицо, Богом хранимое, и если его тронуть, то Бог накажет монгола. А что будут церковные люди, ремесленники или писцы, или каменные здатели или деревянные или иные мастера, каковы не буди, и в наши никто не заступаются и наше дело не емлют их*» [13, с. 16]. Иногда мастера называли «хитрецом» или «архитектоном» [19, с. 246–252].

В то же время древнерусское храмостроительство нельзя безоговорочно отнести к профессиональной архитектуре из-за отсутствия в нем важнейшего атрибута последней – чертежа как средства накопления и обработки информации. Профессиональные архитектурные чертежи, основанные на правилах масштабного проекционного черчения, появляются в России лишь в начале XVIII в. Кроме того, при средневековой артельной организации труда деятельность зодчих не персонифицировалась, оставаясь, как правило, анонимной, а создателями храмов считались заказчики-князья и, реже, церковные иерархи, чьи имена увековечивались в летописях.

Относительно деревянного храмостроительства исследователями отмечается «совершенное незнание с искусством чертежа и чтением чертежей у русских плотников» [13, с. 22], это была действительно народная деревянная архитектура. В 1970-х гг. А. А. Тиц справедливо заключил, что профессиональные приемы зодчих Руси изучены слабо [21, с. 16], да и в начале XXI в. они еще во многом представляют terra incognita [16, с. 135]. «Нашему современнику трудно представить, как даже опытный зодчий может

приступить к размерению основания без каких-либо графических схем или предварительных набросков. В этом случае он должен держать в голове не только общую объемно-пространственную композицию, но и все размеры и их соотношения, а также способы геометрического построения задуманной архитектурной формы». У древнего зодчего были запас определенных типологических схем и освоенный метод их принципиального построения, а также прием наборов взаимосвязи частей и целого. Правда, документального подтверждения этой начальной стадии создания православного храма не сохранилось [22, с. 10]. В ряде случаев использовалась деревянная модель или глиняный муляж [6, с. 74–75].

Издавна на Руси плотничать умел каждый крестьянин. Топором плотник мог сделать практически все, недаром говорилось: «*Дай крестьянину топор, и он починит даже часы*». Культурные смыслы народной архитектуры, найдя воплощение в плотницком мастерстве, коснулись сакрализации как самого ремесла, так и его главного инструмента – топора. Приведу мнение Джеймса Биллингтона в работе «Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры»: «Синкретизм материального и духовного – “меру и красоту”, отражают в культуре народа два предмета, традиционно присутствующие в каждой крестьянской избе: топор и икона... Топор был главным и незаменимым орудием, с его помощью человек подчинял себе лес. Икона как священный образ являлась хранителем крестьянина – ее несли впереди, когда шли с топорами в лес – валить деревья или отражать нападение врага...» [2, с. 56–57].

Противопоставление двух ипостасей сакрального по своей природе (подтверждением этому служит предание о построении Преображенской церкви на о. Кижи) плотницкого мастерства основано на оппозиции дом/храм. Сакрализация плотницкого ремесла порождала оппозицию святое/нечистое. Это зависело от специализации плотницкой артели. Плотники, строившие дома или хозяйственные постройки, наделялись нечистой, колдовской семантикой. Строители храмов, напротив, считались святыми людьми, наделенными божественной силой.

Отражение этнокультурного архитипа в традиционной архитектуре русских получило распространение в строительстве обетных храмов, часовен и крестов, к числу которых относятся «обыденные» храмы, строившиеся по обету «во

един день». Подобный подход к храмостроительству содержал глубокую сакральную семантику. Возведение «обыденного» храма или часовни, от начала постройки до освящения, должно занимать только один день, ночь (одни сутки), причем предполагалось соблюдение всего технологического процесса. В семантике «обыденности» заложен признак спрессованного времени. Существовали обыденные (и посему – деревянные) церкви различного времени: год, 23, 25 и 40 лет, иные и более 150 лет. Это требование обуславливает простоту (если не примитивность) архитектуры храма/часовни и его относительную недолговечность. «Екатерининская обыденная церковь» в селе Екатерининском, что на реке Вятке, в Слободском уезде Вятской губернии... Величина указанной вятской церкви около полутора квадратных сажен; престолом ее служит простой пенек; царские врата – две простые доски, привязанные веревками» [10, с. 1–20].

Русское традиционное зодчество обладает удивительной монтажно-конструктивной сборностью деревянных строений. Со времен глубокой древности на Руси существовали специальные «щепные базары», где продавали в разобранном виде дома, амбары, бани. Бревна этих строений были так тщательно пригнаны друг к другу, что на новом месте их оставалось только собрать и проконопатить, что занимало не более 2 дней. Здесь же связками и возами продавался мох для конопатки срубов, дверные и оконные колоды, декоративные элементы. Этот вид древнерусского строительства всегда восхищал иностранцев, посещавших щепные базары.

В XIV в. в течение нескольких месяцев ставились огромные деревянные кремли в Москве, Серпухове, Твери. На Русском Севере, в низовьях Северной Двины, мы находим примеры «путешествующих» деревянных церквей: из д. Орлец в Панилово перевезли Никольскую церковь. В начале XVIII в. в Кузнечевской слободе Архангельска собрали две гарнизонные церкви, вывезенные из с. Холмогоры. В середине XVIII в. из Холмогор продали церковь в с. Конецдворье. Именно этот принцип был использован при создании музеев деревянного зодчества в России в XX в.

Архитектура, посредством присущего ей профессионального языка архитектурных форм, отражает мировоззрение человека и его духовное устройство. Безусловно, рассматривать смысл русского православного храма можно лишь в его идее как Дом Бога. Не случайно в древнеславян-

ских языках «храм» и «хоромы» означают жилище. В русской традиции, которую отчетливо зафиксировал В. И. Даль, толкование слова «храм» органично начинается во вполне обыденном духе: «*хоромы, жилой дом, храмина, храм*». В. И. Даль рассматривает не только само понятие храм как «*здание для общественного богослужения, всякого исповедания, церковь*». Он обращается и к таким понятиям, как «*Храмовый – к храму относящийся – праздник престольный, когда празднуется святой, во имя коего построена церковь. Храмоздание*» (самое дело построенные церкви) и «*храмоздатель*» (строитель, хозяин, коего иждивением храм строится). *Храмозданная (храмоздательная) грамота – даваемая архиереем разрешение на постройку церкви*» [9, с. 905].

Сакральный смысл слова «дом» означающего «храм», семантически тождествен в европейских языках: «*Notre-Dame*», «*Домский собор*», «*Domesday*», «*Domus*».

Как видим, само развитие человечества поставило храм в центр жизни верующих людей. Библиейские источники указывают не только на смыслообразующую роль храма в пространстве человеческого обитания, но и на особенности деяния людей, объединенных идеей храма [11, с. 6–7].

Преображенский храм на острове Киж в Карелии – это шедевр, вершина русской деревянной архитектуры. По мнению М. В. Красовского, «...в истории русского деревянного зодчества он должен занять такое же место, как заняла московская церковь Василия Блаженного в истории каменного зодчества» [13, с. 292]. Говоря о Преображенской церкви в контексте исторической обусловленности развития архитектурного образа и декора, присоединяюсь к мнению карельского реставратора А. И. Байера: «Уходя корнями в глубокую древность, Преображенская церковь в то же время наиболее полно отразила тенденции, характерные для быстро развивающейся архитектуры XVII в., причем в формах и приемах, присущих деревянной. Именно в этом выразилась сила северной культуры, способность остро реагировать и действительно соперничать, быть активным участником развития общерусской культуры» [1, с. 114].

«Культура – открытое окно. Историческая судьба русской культуры – всегда быть одновременно русской и больше чем русской, вырваться за пределы себя самой. Это делает теоретические исследования русской культуры не только ча-

стью, но и неизбежным полигоном мировой культуры» [15]. Подъем экономической и культурной жизни Карелии в начале XVIII в., связанный с реформами Петра I, вызвал оживление и в духовной сфере, поиск новых образов в народной архитектуре.

В 2014 г. музей-заповедник «Кижы» выпустил замечательное юбилейное издание «Церковь Преображения Господня на о. Кижы: 300 лет на Онежской земле». В этой работе В. А. Гущина отмечает, что вместо традиционного образа сгоревшей в 1694 г. шатровой Преображенской церкви в Кижях появился храм «деревенского, крестьянского барокко», отразивший новые тенденции в архитектурном формообразовании, но сохранивший при этом дух самобытности в главном – уважение и мастерство к деревянной основе срубной конструкции» [8, с. 146]. И строители, и заказчики были вполне подготовлены к восприятию принципов барокко, пришедшему на смену средневековому искусству.

Строительство храма в православной культуре не могло не быть священнодействием. Материальные образцы служили для народных зодчих подспорьем в труде духовном. Храм дает представление о мире и помогает человеку определиться в этом мире. А его архитектура помогает молиться. Возводя взоры от подножия храма к его верху, от земли к небу, люди отрывались от мира, как бы переходили в другое пространство и читали послание Бога, находя в нем источник жизни и красоты, дающей человеку спасительное исцеление [3, с. 10].

Культурное деревянное зодчество – своеобразное ответвление русской архитектуры, впитавшее в себя мировоззрение этноса и являющееся отражением традиционной картины мира русского народа в контексте христианского мировоззрения. Особая роль Европейского Севера в истории русской культуры связана с тем, что он стал своего рода хранителем генофонда национальной этнокультурной традиции.

Библиографический список

1. Байер, А. И. К вопросу о проекте воссоздания первоначального иконостаса церкви Преображения на о. Кижы [Текст] / А. И. Байер // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. – Петрозаводск, 1986. – С. 110–116.
2. Биллингтон, Д. Икона и топор : опыт истолкования истории русской культуры : пер. с англ [Текст] / Д. Биллингтон. – М. : Рудомино, 2001. – 880 с.
3. Бондаренко, И. А. Древний идеал архитектуры будущего [Текст] / И. А. Бондаренко // Архитектурное наследство. – М., 2006. – Вып. 46. – С. 3–11.
4. Бондаренко, И. А. Образ геоцентрической вселенной в традиционном зодчестве [Текст] / И. А. Бондаренко // Народное зодчество : межвуз. сб. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2004. – С. 53–71.
5. Бондаренко, И. А. Сила образа в архитектурной традиции [Текст] / И. А. Бондаренко // Желанное и действительное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 14–18.
6. Воронин, Н. Н. Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв. [Текст] / Н. Н. Воронин. – М. ; Л. : ОГИЗ Государственное социально-эконом. изд-во, 1934. – 131 с.
7. Грабарь, И. Э. История русского искусства [Текст] / И. Э. Грабарь. – СПб., 1910. – Т. 1: Архитектура. До-петровская эпоха. – 508 с.
8. Гущина, В. А. Художественное убранство Преображенской церкви Кижского погоста (тябловый и резной иконостасы, живопись «неба») [Текст] / В. А. Гущина // Церковь Преображения Господня на о. Кижы: 300 лет на Онежской земле / сост. и под. И. В. Мельников. – Петрозаводск : М-во культуры РФ, Изд. центр музея-заповедника «Кижы», 2014. – С. 136–146.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] / В. И. Даль ; совмещ. ред. В. И. Даля, И. А. Бодуэна де Куртенэ в соврем. написании. – М. : Олма-Пресс, 2002. – Т. 2. – 1118 с.
10. Зеленин, Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы [Текст] / Д. К. Зеленин // Живая старина. – М., 1911. – Вып. 2. – С. 1–20.
11. Злотникова, Т. С. Светлая душа города [Текст] / Т. С. Злотникова // Рутман, Т. А. Церковь Ильи Пророка в Ярославле : Кн. 2. – Ярославль : Александр Рутман, 2004. – 260 с.
12. Камкин, А. В. Союзы севернорусских крестьянских миров в системе расселения и жизненной повседневности XVII–XVIII вв. [Текст] / А. В. Камкин // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. Т. И. Власова. – М. : Наука, 2006. – С. 233–243.
13. Красовский, М. Деревянное зодчество [Текст] / М. Красовский. – СПб. : Сатисъ, 2002. – 383 с.
14. Криничная, Н. А. Предания Русского Севера [Текст] / Н. А. Криничная. – СПб. : Наука, 1991. – 325 с.
15. Коды культур Юрия Лотмана [Электронный ресурс] : Каталог статей. – URL: ako.ucoz.ru/publ/1-1-0-48. Проверено 1.06.2011.
16. Майничева, А. Ю. «Как мера и красота скажут»: традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей [Текст] / А. Ю. Майничева // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 135–143.

17. Пермиловская, А. Б. Русский Север как особая территория наследия [Текст] / А. Б. Пермиловская. – Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 552 с., 673 ил.

18. Пермиловская, А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера [Текст] / А. Б. Пермиловская. – Екатеринбург : УрО РАН; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. – 608 с., 744 ил.

19. Раппопорт, П. А. Древнерусская архитектура [Текст] / П. А. Раппопорт. – СПб. : Стройиздат. – С.-Петербург. отд-ние, 1993. – 289 с.

20. Свирида, И. И. Ландшафт в культуре как пространство: образ и метафора [Текст] / И. И. Свирида // Ландшафты культуры. Славянский мир. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 11–45.

21. Тиц, А. А. Загадки древнерусского чертежа [Текст] / А. А. Тиц. – М. : Стройиздат, 1978. – 151 с.

22. Флоренский, П. А. Имена [Текст] / П. А. Флоренский. – Харьков ; М. : Фолио: АСТ, 2000. – 441 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bajer, A. I. K voprosu o proekte vossozdanija pervonachal'nogo ikonostasa cerkvi Preobrazhenija na o. Kizhi [Tekst] / A. I. Bajer // Problemy issledovanija, restavracii i ispol'zovanija arhitekturnogo nasledija Karelii i sopredel'nyh oblastej. – Petrozavodsk, 1986. – S. 110–116.

2. Billington, D. Ikona i topor : opyt istolkovanija istorii russkoj kul'tury : per. s angl [Tekst] / D. Billington. – M. : Rudomino, 2001. – 880 s.

3. Bondarenko, I. A. Drevnij ideal arhitektury budushhego [Tekst] / I. A. Bondarenko // Arhitekturnoe nasledstvo. – M., 2006. – Vyp. 46. – S. 3–11.

4. Bondarenko, I. A. Obraz geocentricheskoj vselennoj v tradicionnom zodchestve [Tekst] / I. A. Bondarenko // Narodnoe zodchestvo : mezhvuz. sb. – Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2004. – S. 53–71.

5. Bondarenko, I. A. Sila obraza v arhitekturnoj tradicii [Tekst] / I. A. Bondarenko // Zhelaemoe i dejstvitel'noe. – M. : Jeditorial URSS, 2001. – S. 14–18.

6. Voronin, N. N. Oчерки по истории русского зодчества XVI–XVII vv [Tekst] / N. N. Voronin. – M. ; L. : OGIz Gosudarstvennoe social'no-jekonom. izd-vo, 1934. – 131 s.

7. Grabar', I. Je. Istorija russkogo iskusstva [Tekst] / I. Je. Grabar'. – SPb., 1910. – T. 1: Arhitektura. Doptetrovskaja jepoha. – 508 s.

8. Gushhina, V. A. Hudozhestvennoe ubranstvo Preobrazhenskoj cerkvi Kizhskogo pogosta (tjablovij i reznoj ikonostasy, zhivopis' «neba») [Tekst] / V. A. Gushhina // Cerkov' Preobrazhenija Gospodnja na

o. Kizhi: 300 let na Onezhskoj zemle» / sost. i pod. I. V. Mel'nikov. – Petrozavodsk : M-vo kul'tury RF, Izd. centr muzeja-zapovednika «Kizhi», 2014. – S. 136–146.

9. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Tekst] / V. I. Dal' ; sovmeshh. red. V. I. Dalja, I. A. Bodujena de Kortenje v sovrem. napisanii. – M. : Olma-Press, 2002. – T. 2. – 1118 s.

10. Zelenin, D. K. «Obydennye» polotenca i obydennye hramy [Tekst] / D. K. Zelenin // Zhivaja starina. – M., 1911. – Vyp. 2. – S. 1–20.

11. Zlotnikova, T. S. Svetlaja dusha goroda [Tekst] / T. S. Zlotnikova // Rutman, T. A. Cerkov' Il'i Proroka v Jaroslavle : Kn. 2. – Jaroslavl' : Aleksandr Rutman, 2004. – 260 s.

12. Kamkin, A. V. Sojuzy severnorusskikh krest'janskikh mirov v sisteme rasselenija i zhiznennoj povsednevnosti XVII–XVIII vv. [Tekst] / A. V. Kamkin // Mirovozzrenie i kul'tura severnorusskogo naselenija / red. T. I. Vlasova. – M. : Nauka, 2006. – S. 233–243.

13. Krasovskij, M. Derevjannoe zodchestvo [Tekst] / M. Krasovskij. – SPb. : Satis#, 2002. – 383 s.

14. Krinichnaja, N. A. Predanija Russkogo Severa [Tekst] / N. A. Krinichnaja. – SPb. : Nauka, 1991. – 325 s.

15. Kody kul'tur Jurija Lotmana [Elektronnyj resurs] : Katalog statej. – URL: ako.ucoz.ru/publ/1–1–0–48. Provereno 1.06.2011.

16. Majnischeva, A. Ju. «Kak mera i krasota skazhut»: tradicionnye principy geometrii planov russkikh pravoslavnyh cerkvej [Tekst] / A. Ju. Majnischeva // Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii. – Novosibirsk, 2015. – T. 43. – № 1. – S. 135–143.

17. Permilovskaja, A. B. Russkij Sever kak osobaja territorija nasledija [Tekst] / A. B. Permilovskaja. – Arhangel'sk : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург : УрО РАН, 2010. – 552 с., 673 ил.

18. Permilovskaja, A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa [Tekst] / A. B. Permilovskaja. – Екатеринбург : УрО РАН; Архангельск : ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль : JaG-PU im. K. D. Ushinskogo, 2013. – 608 с., 744 ил.

19. Rappoport, P. A. Drevnerusskaja arhitektura [Tekst] / P. A. Rappoport. – SPb. : Strojizdat. – S.-Peterb. otd-ние, 1993. – 289 с.

20. Svirida, I. I. Landshaft v kul'ture kak prostranstvo: obraz i метафора [Tekst] / I. I. Svirida // Landshafty kul'tury. Slavjanskij mir. – M. : Progress-Tradicija, 2007. – S. 11–45.

21. Tic, A. A. Zagadki drevnerusskogo chertezha [Tekst] / A. A. Tic. – M. : Strojizdat, 1978. – 151 s.

22. Florenskij, P. A. Имена [Tekst] / P. A. Florenskij. – Har'kov ; M. : Folio: AST, 2000. – 441 s.